

3 А Ч Е М МЫ ПЕРЕШЛИ НА «ТЫ»?

ЛЕОНИД Осипович Утесов однажды пошутил: «Проблемы нашего искусства настолько устойчивы, что мне иногда кажется, будто я всю жизнь присутствую на сплошном большом совещании, посвященном состоянию эстрады».

Только что завершившийся Всесоюзный конкурс артистов эстрады, где я была членом жюри, вызвал противоречивые мысли и чувства. Постараюсь говорить о наиболее существенном.

Первое: не припомню другого случая, чтобы на подобном смотре появились сразу две перспективные певицы.

Наташа Рожкова с Украины. Кроме энергии дарования, молодая артистка излучает исконно женский свет добра, доброты. Песню о дятлах («Если в небе солнце светит») и песню о клоуне, стремящемся превратить весь земной шар в арену, где выступали бы хорошие клоуны и от этого было бы весело всем хорошим людям, она поет с такой трогательной искренностью, что действительно начинаешь верить: это не слова, сочиненные поэтом, а ее личная, собственная проповедь мира без войны. Кто-то на обсуждении заметил: она же не столько певица, сколько артистка, для нее надо специальный театр создавать. Ну и прекрасно. Не будем подгонять Рожкову под стандарт эстрадной солистки, а попробуем из ее индивидуальности создать что-то новое, и наша эстрада делается богаче.

И еще одно открытие — двадцатичетырехлетняя москвичка Ирина Отиева, Сложившийся и очень неординарный музыкант-певица. Песню «Сто часов счастья», исполняемую по-человечески зрело, с проникновением в суть жизни, Отиева начинает и заканчивает джазовым вокализмом. И это не самоцельное извлечение красивых звуков, не демонстрация виртуозной техники. Во время вокализов — и в этой песне, и в других произведениях — артистка так чутко взаимодействует с музыкой, с музыкантами, которые ей помогают, что между певицей и музыкантами рождается исполненный глубокого смысла безмолвный диалог, отчего звуки приобретают содержательность, философский смысл. Она поет о своем, сокровенном, а ты думаешь о своем, о чем-то для тебя очень важном.

Есть закономерность: если ты интересен как человек, ты интересен и как артист. На эстраде — тем более, здесь все на виду, не спрячешься ни за режиссера, ни за декорацию, ни за партнера. Обе певицы, удостоенные первой премии, пока находятся на самом надежном пути: они идут от своей природы и от природы песни, от своей биографии и от биографии человека, упомянутого в песне. Должно быть обязательно вот такое совпадение твоего, личного, и того, что ты утверждаешь с подмостков. Но больше всего они покорили тем, что в них ощущаешь предельную самоотдачу в каждую секунду пребывания на сцене. Именно такой профессиональной, человеческой одержимости, бескорыстного служения Искусству так не хватает на сегодняшней эстраде, что и дает самое большое основание говорить о снижении общего уровня мастерства.

ТАК СЛУЧИЛОСЬ и на конкурсе. Между лучшими и остальными — пропасть, бездна, и мне не хотелось бы смягчать формулировки.

Мы как-то не заметили, что уронили высокое достоинство слова, звучащего с эстрады. Слова, как средства человеческого общения, как важнейшего слагаемого нашей отечественной культуры. Оно стало для нас чем-то второстепенным, мы общаемся с ним небрежно, неталантливо, нетребовательно. Отсюда — «никакие» песни, «никакие» фельетоны, «никакие» концерты, прозвучавшие, в частности, на конкурсных просмотрах. Артисты разговорного жанра во-

Рассказывает заслуженная артистка РСФСР Гелена Великанова

общее выступали — за редким исключением — без ощущения, что мысль у человека, стоящего на сцене, рождается сейчас, сию минуту. Мне думается, что время заученного, отрепетированного концерта безвозвратно уходит. Сегодня концертную программу имеет право вести человек, способный молниеносно реагировать на любую ситуацию, возникшую на сцене и в зале, реагировать остро, умно, интеллигентно. Тут-то молодому артисту нужна серьезная помощь режиссера, глаз со стороны.

...В течение двадцати лет я учила песни и готовила программы вместе с замечательным концертмейстером — Любовью Лукиничной Зыбцовой, теперь она, к сожалению, уже не работает. Она была для меня первым «глазом со стороны» и доставляла мне немало неприятных минут. Вот закончился концерт, зал скандирует какой-нибудь песне, требует повтора есенинского «Клен», одаривает цветами, и на этом фоне ко мне в гримерную является Любовь Лукинична, а в руках у нее не гвоздики, а простыня с замечаниями. По каждому номеру. И чаще всего я слышала просьбу-приказ: мягче! женственнее!

Может быть, во всем виновата Любовь Лукинична, но когда я сегодня сижу в зрительном зале, мне хочется прямо с места крикнуть: женственнее! мужественнее! Мне не хватает мужественности в певцах и женственности — в певицах.

Не понимаю, почему вошло в моду у молодых людей петь высокими голосами, тонко и — истерически. У меня это вызывает протест. Когда женщина срывается до истерики, до визга, это неприятно, когда мужчина — за него просто стыдно. Мужчина обо всем должен сказать спокойно или в крайнем случае — стукнуть кулаком. Но истерика... На этом, по моему, проигрывает свою артистическую судьбу талантливый Михаил Боярский. Начиная он достоин, а потом стал пользоваться запрещенными приемами: во время исполнения песни стонет, делает вид, что задыхается от страсти, словом, ведет себя не по-мужски.

Человеческие отношения и в жизни изменились — с этим ничего не поделаешь. Моя дочь и ее подруги могут обсуждать при мне такие вещи, какие мы не говорили даже своим сверстникам. Не пытаюсь убеждать, что мы были другими, святыми. В жизни каждой женщины, даже самой красивой и замечательной, бывают минуты отчаяния и муки. Только переживается это всеми по-разному. В интимной жизни человека должна существовать тайна, спрятанная от досужего взгляда. Она принадлежит только тебе и в крайнем случае — еще одному человеку.

Искусство во все времена искало идеал женщины своей эпохи. В известной мере отблеск этого идеала должна нести женщина, которая выходит на эстраду. Пусть в реальной действительности и сократился путь к каким-то вещам, пусть изменились в своем содержании иные понятия. Искусство все равно призвано отстаивать в человеке то, что пересмотру не подлежит. Когда ты поешь на сцене, ты должна что-то сокровенное оставлять только для себя, не выносить на публичное обсуждение. Много лет подряд в моем репертуаре сохранялась песня-сожаление женщины, обращавшейся к любимому: «Зачем мы перешли на «ты»?» Сохранялась не потому, что я хорошо пела, а потому что людей в зале тоже волнует утрата в самих себе настоящего, подлинного, трепетного.

Современная эстрадная певица перешагнула запретный

рубеж, ее откровенность рождает высокое женское достоинство. Чтобы иметь право говорить это другим, сошлюсь на пример своей самой любимой артистки — Аллы Пугачевой.

Когда я впервые услышала по трансляции «Арлекина», я сидела в номере гостиницы города Кургана, в котором выступала в те дни и плакала — от праздника таланта, от праздника ювелирного художнического труда, словом, от всего, что для профессионала укладывается в признание: так я не сумею, это мне не дано. Кричащая броскость манеры Пугачевой, о которой так много спорят, режущая экстравагантность ее смеха были и в «Арлекине». Но все дело в том, что это шел шут. И хотел — шут. И все было в образе, в слове, в стиле. Сегодня от смеха Пугачевой я поживаюсь. Потому что не хочу, чтобы так смеялась женщина. Жена. Мать. Алла Пугачева на нашей эстраде — артистка номер один, как бы кто к ней ни относился. И она не может не знать, что ей подражают. Подражают девочки. Подражают молодые, начинающие петь, и те, кто только мечтает начать.

ПРОИЗНЕСЛА это слово — молодые — и поняла, что пора вернуться к поводу нашего разговора. Хотя, честно признаться, артисты делятся не на молодых и старых, а на плохих и хороших.

В прежние времена, до эпохи телевидения, дорога эстрадного артиста от признания к признанию растягивалась на года. Имя приобреталось адским трудом, очень медленно, но зато самым чистым способом — через добрую людскую молву.

Бесчеловечно желать молодым испытать трудности, через какие прошли старшие поколения. Но несправедливо и то, что стать артистом и остаться им навсегда стало невероятно легко. Выступление по телевидению — и ты знаменит. А телевидение не всегда представляет зрителям артистов, которых специалисты и коллеги считают мастерами.

Все это в немалой степени породило недобросовестное отношение к труду, обращение с актерской профессией на «ты».

Особенно большой урон званию артиста наносят вокально-инструментальные ансамбли. Считанное количество этих коллективов представляет интерес. Не могу не назвать, например, лауреата нынешнего конкурса квартет из Вильнюса под руководством Вишняускаса; таких музыкантов я бы послала и на любой международный конкурс. Но таких, повторю, единицы. Чаще же видишь иное. Случайный репертуар. Неоправданные прически. Отсутствующие, бездумные лица. Пошлые движения. Я считаю это явление настоящим злом, калечащим многие молодые жизни. Конечно, вокально-инструментальные ансамбли — не русло нашей советской эстрады, а лишь ее притоки, но ведь течение-то в итоге — общее.

...Когда на заключительном концерте в Театре эстрады увенчивали наградами победителей конкурса, невольно думалось о тех, о лучших.

Судьба эстрадной артистки и ее мастерство складываются не очень-то просто. Что петь сегодня? Как петь завтра? Во что одеться, если ты хочешь нести со сцены не только искусство, но и представления об эстетичности, вкусе? Как определить направление собственного репертуара? Черты своего стиля? Как отличить, когда провалился ты, артист, а когда — публика, которая приняла ритмическую безделушку и осталась равнодушной к серьезной песне? Как реагировать на успех и неуспех?

Очень все это сложно. И от времени не отстает. И чтобы время тебя не сбilo — сиюминутной модой, случайным спросом, недолговечной привязанностью.

Записала
Галина КОЖУХОВА.